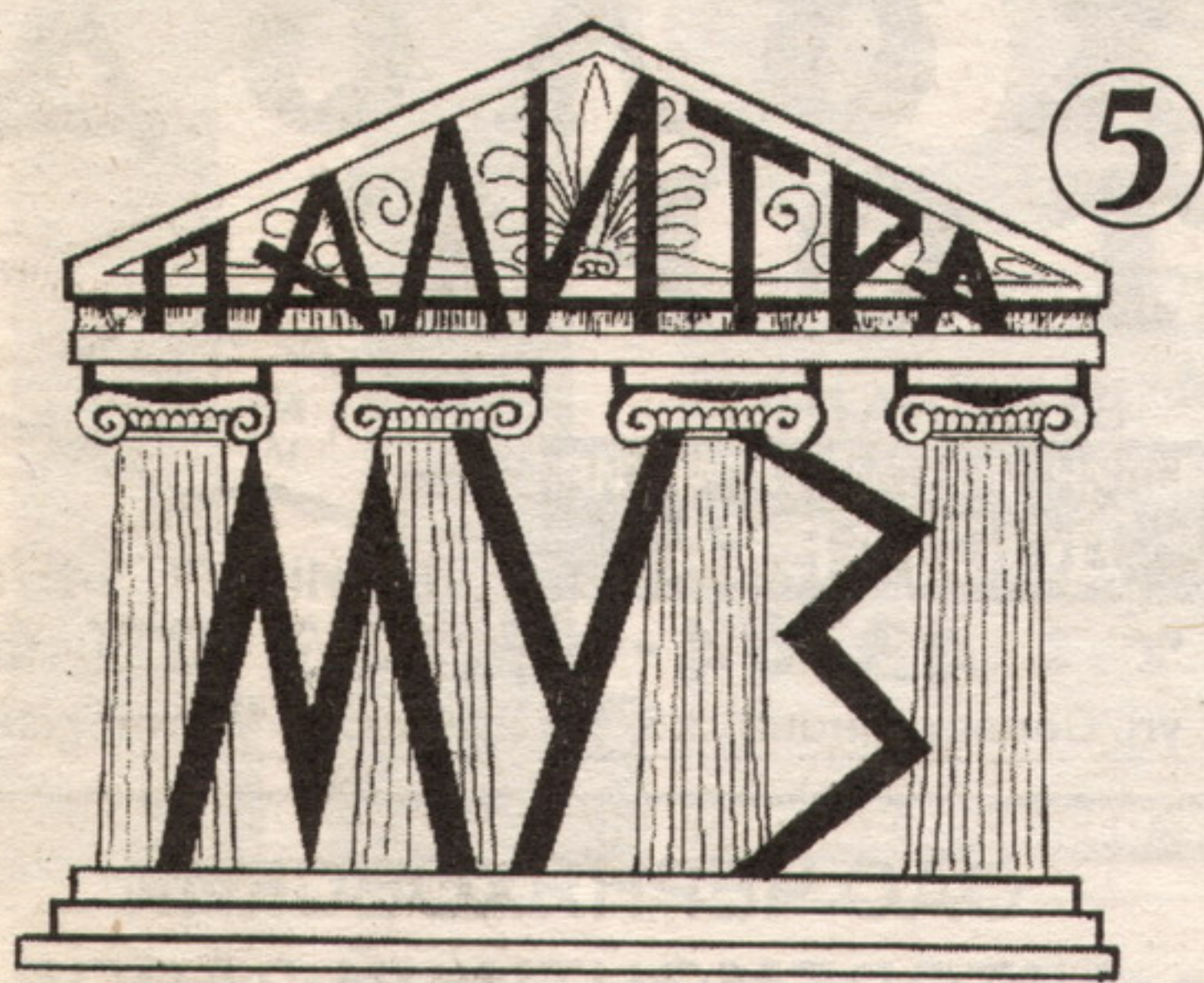

вошли известные в области литературы: А.Дмитровский, О.Глушкин, О.Каштанов, Ю.Куранов, А.Лукин. Журнал богато иллюстрирован и удачно скомпонован. Наиболее интересные, на наш взгляд, материалы номера - "Легенды о Куршской косе" Юрия Иванова, "Сказка, рассказанная дочке, когда ей приснился страшный сон" Валентины Соловьевой, главы нового романа на библейскую тему "Саул и Давид" Олега Глушкина и историческое исследование о Кафедральном соборе "В камне застывшая музыка" Авенира Овсянова. Слабые стороны издания - неглубокие "концептуальные" статьи об "истории культуры Калининградской области", "развитии литературы в области" и "эстетическом воспитании детей и юношества". Журнал будет интересен всем, кому небезразличны культура и история края.

Николай ВАЛБЕЛОЗ

В ЛЮБВИ ВИНОВАТЫЕ

Они стояли у окна -
За ним лишь вьюга -
И пили медленно до дна
Из уст друг друга.

Ее рука с его плеча
Слегка струилась,
А вьюга, пьяно хохоча,
В окно ломилась.

В глаза светила им луна.
Они любили -
И так до самого до дна
Себя испили.

Как сладок пир в глухую ночь,
Но боль утраты
Им никогда не превозмочь.
Что ж, виноваты.

ОЖИДАНИЕ

Плачет ветер за стеною,
Отпевая чей-то век.
Злая вьюга матом кроет,
Проклиная белый свет.

То ли тополь над сугробом
Низко голову склонил,
То ль какой вдовец у гроба,
Средь белеющих могил.

Я смотрю во мглу седую
Сквозь узорное стекло.
Не печальюсь, не тоскую -
Мне уютно и светло.

Знаю только:
чуть стемнеет -
Скрипит радостно крыльцо,
На моей груди согреешь
Ты озябшее лицо.

А метель все злее кружит,
Забывая снег в кольцо.
Над сугробом тополь тужит.
Вот и скрипнуло крыльцо...

Татьяна ДАДОЧКИНА,
студентка педколледжа,

17 лет

То счастье, то печаль,
То смех, то крик, то слезы,
То холод, то пожар,
То радуга, то грозы.

То радость, а то боль,
То день, то ночь, то звезды,
То розы, то шипы,
То дождь, то стих, то проза.

Все это просто я
Смотрю со стороны на душу.
И госпожа - судьба
Ее все вертит, кружит.

Душа моя еще
Наивна, как ребенок, -
До жизни доросла,
Не выйдя из пеленок.

Елена ОРЕХОВА,
КГУ, 4-й курс
(г. Советск)

Каждый день
холодный дождь идет.
Который раз я вижу из окна
Усталых листьев
грустный хоровод,
Которым правят
строгие ветра.

Который раз
встают перед глазами
Туманы серые и грязь
с листвою опавшей,
Жизнь будто с прошлыми
смешалась днями,
Которые теперь уже
никчемны стали.

Увядающая листва летит с ветвей,
Как из души разбитые мечты,
И, перед тем как стать
совсем ничьей,
Вершит полет
с последней высоты.

На дне же, в общем хаосе
смешавшись,
Я легковесным прошлым
буду жить, -
С бесцветной осенью
расставшись,
Мне радостно и грустно
прошлое любить.

Рабочая папка литературной рубрики "Палитра муз" растет день ото дня. Особенно активны черняховские поэты. Причем в поле зрения попадают все новые, весьма интересные авторы. Заслуживают внимания работы Николая Валбелоза, который, к сожалению, пожелал подписаться псевдонимом. Владимир Макаров, бывший военный летчик и инструктор, ныне пенсионер, предложил несколько стихотворений, одно из которых, посвященное Марфе Климук, матери космонавта, мы представляем вашему вниманию. Студентки Татьяна Дадочкина (педколледж) и Елена Орехова (КГУ) знакомят читателя со своей лирической поэзией. А житель Черняховска Александр Серков прислал нам письмо с интерпретацией известной басни И. Крылова. Сотрудник нашей редакции Юрий Щукин дебютирует с рассказом "Единственная атака", посвященным ветеранам войны. Он же автор графического рисунка.

Ведущие рубрики Галина КАШТАНОВА-ЕРОФЕЕВА и Игорь ЕРОФЕЕВ

Юрий ЩУКИН

ЕДИНСТВЕННАЯ АТАКА

Кафе называлось "Снежинка". Случалось, он проходил мимо и видел, как за стеклянными стенами вокруг столиков сидят молодые люди в ладно пригнанных костюмах и милые девушки.

Шел неторопливый дождь. Время вечерней прогулки, назначенное им самим для себя лет так десять назад, подходило к концу, но возвращаться в небольшую комнату в новом доме, куда его поселили, как ветерана войны и инвалида, не хотелось.

Это началось давно. Сначала заставил себя думать, что ему просто надоело среди нехитрого скарба одинокого человека, который он полностью перевез в новую квартиру. Потом пытался убедить себя, что единственная причина - одиночество, начавшееся еще после госпиталя в сонном среднеазиатском городке. Он сторонился какого-либо окружения, чувствуя неизвлекаемый осколок жалости.

В сегодняшнем дне не было ничего необычного. Но внутренний голос - его единственный и самый верный собеседник - говорил, что сегодня весь давно отлаженный распорядок полетит к черту. Человек чувствовал, что, дойдя до конца квартала, он не повернет, как повелось, в зеленеющую молодыми каштанами улочку, на которой стоит его дом.

Хотелось слышать набегающий прибоем многоголосый говор, оказаться в таком свете уютного зала среди вечерней располагающей суесть. Сегодня он не мог бороться с этим желанием.

Минуя пустые столики, подошел к занятому лишь наполовину.

- Разрешите?

Два парня, по виду - студенты, удивленно переглянувшись - чудит старина, - вразнобой кивнули головами. Он сел в легкое плетеное кресло, поспешно взял меню, стараясь не задерживать на столе изуродованные руки. Заказал сухое вино, смущенно ткнув пальцем в нарядный белый листок. Осмотрелся: сладкий табачный дым кутал в белесое облако зеленые елки и смешных гномов, изображенных на стенах: сумерки, наткнувшись на невидимую преграду, стояли вплотную к стеклам.

Одна мысль постоянно хороводила вокруг него и, стоило только убрать барьер деловитости, входила в душу глухим смятением и болью. Человек уже привык к этой боли и даже старался иногда сильнее разбередить ее, как маленький ребенок старается расчесать зудящую рану, чтобы затем хоть на минуту почувствовать облегчение. Он понимал, что и сегодня эта мысль не отступит, и не собирался ее гнать, зная на опыте бесполезность подобных усилий.

Пригубив второй стакан вина, человек прислушался к разговору соседей. Парень в черном вельветовом пиджаке говорил о каком-то Мишеле. Последний "сачкует" с тренировок, и всему виной "Инка с третьего этажа". Второй, с мягкой молодой бородкой, стряхивал пепел в круглый зев пепельницы и, улыбаясь, вставлял время от времени: "Утрясется, вот увидишь."

- Может быть, и утрясется, - совсем некстати подумалось ему. Но тут же пришло беспричинное зло на этого совсем неизвестного ему Мишеля, который вместо лекций "сачкует". А у него, наверное. Инка красивая. И у них, конечно, все утрясется, и они столько успеют...

А у него? Что успел сделать он за свою уже долгую жизнь? Ничего. У других есть семья. Дети... Они продолжают себя. У других есть работа. А у него? Ничего... Но и у него было... Та - одна-единственная атака. Он не успел даже выстрелить - и сразу...

Раннее лето стояло светлой невестой от берез Подмоскovie, где он закончил танковую школу. Через несколько дней их отправили в Белоруссию, и он получил новенький, легкий БТ. А на танкодроме цвели большие, радостные ромашки.

Война в его жизнь пришла в первый день. Он потерянно стоял возле свежей воронки, с края которой

обрывались комья горячей земли, а друг его, Юрка Ласочкин, лежал рядом, в обуглившихся, скрученных жгутами ромашках. С мертвым серым лицом.

Наутро был бой. Солнце вставало за их спинами и бросало островерхие

тени от рожицы с замершими в ней танками в сторону пологого поля, на противоположном конце которого столбом дыма исходила маленькая деревенька. Оттуда выплывали угловатые чужие танки. Они взбирались по желтому косогору левее рожицы - туда, где в утренней дымке прямой золотистой лентой лежал большак. Вскоре с этих машин на землю стали прыгать темные человечки, послышался далекий отрывистый треск, словно молодой кузнечик, пробавивший свою песню, взял нотой ниже.

Все это он успел увидеть, стоя в откиннутом люке танка, до короткого приказа:

- Вперед!

Вино в его почти бесполой руке нагрелось, и он поставил стакан. Оба соседа, прекратив разговор, со скрытым любопытством рассматривали его, человека с безбровым обгоревшим лицом, на котором только глаза источают человеческую мысль. Он почувствовал, что парни, в надежде на молчаливую близость которых сел за этот стол, стали ему безразличны.

Он был далеко... Светлая эластичная поверхность стола была тем давним июньским полем. Прильнув к оптике рванувшегося вперед танка, он видел, как в первое мгновение растерянно заматались на земле маленькие фигурки, потом жерла чужих машин повернулись в сторону рожицы, и слева и справа от их БТ стали вырастать кусты разрывов. "Отомстить за Юрку, за сгоревшую деревню".

Безумный жар метнулся в лицо, заглушая дробящую боль в руках. Последнее, что он помнил, - нестерпимо яркий свет...

Кто-то бросил в автомат монету, и низкий женский голос запел о цыганских кибитках. Парни - им, видимо, уже наскучило разглядывать странного человека - решали что-то свое.

Мысль медленно возвращалась к далекой роже, темным силуэтам на озими... Словно старая, известная до мелочей кинолента, замкнутая по кругу: рожица, чужие танки, атака... Тысячи раз память крутила ее, не спрашивая желаний хозяина.

Но вдруг, нарушая все привычное, к нему пришло ощущение перемены. Он не смог бы ответить сразу - какой. Просто... он увидел, как человек в сером мундире берет на прицел его БТ.

Память, стоп! Слева и справа идут танки товарищей. У них одна цель - настичь и отомстить. Они сомнут эти фигурки, зажгут дымными кострами чужие танки. Дойдут... Дойдут, потому что человек в сером мундире целится в его БТ, потому что человек со злым лицом не успеет повернуть орудие... А значит...

Стало жарко. Он почувствовал, как что-то давнее, минутное отрывается от него, уходит, освобождая душу.

...Другие дойдут и отомстят, потому что вражеский наводчик целится именно в него, тем самым сделав неуязвимыми машины товарищей. Значит... он закрыл их собой! Его танк, взметнувшийся огнем к июньскому небу, давил ненавистные фигурки, стволы орудий, угловатые танки... Он - в броне своих товарищей!

И эта единственная атака... была и есть его высший счет, предъявленный человеком в своих деяниях. А значит, страшное слово "ничего" навсегда теряет власть.

Человек поднял голову. В мягком свете кафе лицо его было неподвижным и значимым, как у памятника. А в глубине глаз, еще недавно медлительных и усталых, засветился живой, далекий огонь.

Владимир МАКАРОВ, бывший военный летчик, инструктор. Печатался в журналах "Авиация и космонавтика", "Крылья Родины", в газете "Известия" и др. Инвалид 2-й группы. Живет в Черняховске.

СОЛДАТКА

Марфе Павловне Климук

Май над древним городом
колышется,
Спят дома, бульвары и мосты.
Над тобой сирень моя
распустится,
Ароматы встанут на посты.

Я сегодня самая счастливая -
Твой солдатский выполнен завет.
От земли дорога к звездам новая,
Сын - пилот космических ракет

Ой вы, зори, зори над березами,
Не дружите, милые, с войной.
Я к станку иду с твоими розами -
Ты с моими стал
в защитный строй.

Александр СЕРКОВ,

читатель газеты.

Ул. Спортивная,

52 года

Лебедь, Рак, Осел да Щука (Басня)

Как-то Лебедь, Рак да Щука
Взялись в гору воз тащить.
- Воз тащить - такая штука:
Надо дружными всем быть!

- Был бы стимул!..
Что за тема?!
Этому ли нас учить?!
"Делу час, потехе время!"
Стали к возу лямки шить.

Кое-как, но все же шили.
Не успели пыль стряхнуть...
Дружно вместе все решили:
- Надо срочно отдохнуть!

Посидели, отдохнули,
Покружили раз по наты,
Лебедь с Раком вдруг зевнули:
- Что-то хочется поспать.

Чтоб на сон не так тянуло,
Да и труд пора "обмыть", -
Щука сразу намекнула
На троих сообразить.

Да простит Крылов за шутку,
За вступленье к басне той, -
Здесь не просто прибаутка -
Производственный простой!

До конца всю суть не зная,
Дед Крылов не все учел.
Возле воза выпивая...
К ним примкнул еще Осел.

Он пришел не без хмельного...
Может, в этом басни суть?!
Вот теперь, как у Крылова,
Можно воз начать тянуть.

- Рак, куда ты лямку тянешь?
Все, назад своей тропой?!
Кумачом в "Двадцатый"
манишь...

Номер дохлый твой - пустой!

- Щука, хищница, пройдоха,
Кто тебя там в речке ждет?
Перестань все время охать -
Пусть к своей жене плывет.

- Ты, Осел, - ни слон, ни рыба.
Без кнута ни "тр-р-р", ни "но"!
Трезвиль пьян - каким бы ни был, -
Бестолковый все равно!

Лебедь все взлететь пытался...
Все кричал: "Моя семья!"
А потом в грязи валялся
Рядом с Щукой, как свинья.

"Пьянству бой!" -
девиз Советов.

Но ни розга и ни кнут -
Не помогут им запреты:
Пьют - пока во гроб сойдут!

Красный Рак иль белый Лебедь,
Блудна Щука иль Осел:
Воз стоял, стоит - и не быть
Толку там, где хмель "расцвел"!